

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

В. М. Майоров, Л. В. Стеженская

Н. Я. БИЧУРИН И ЕГО «ДРЕВНЯЯ КИТАЙСКАЯ ИСТОРИЯ»¹

Институт Дальнего Востока РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32

Статья посвящена известному российскому востоковеду XIX в. Н. Я. Бичурину, о. Иакинфу, который не только сделал блестящую церковную карьеру, возглавив Девятую духовную миссию в Пекине, но и завоевал научную репутацию многочисленными исследованиями Китая, Тибета, Центральной Азии. Бичурин уделял немало внимания изучению политического устройства Китая, его географического положения, но также ставил себе задачей сделать переводы классических китайских памятников. Об одном из таких переводов — неполном переводе «Шу цзина» 1822 г. — названном о. Иакинфом «Древней китайской историей», подробно рассказывается в статье. Библиогр. 26 назв.

Ключевые слова: Н. Я. Бичурин, Иакинф, «Древняя китайская история», «Шу цзин», «Канон (исторических) документов», перевод конфуцианских канонов, российское востоковедение.

N. YA. BICHURIN AND HIS "DREVNYAYA KITAYSKAYA ISTORIYA" ("ANCIENT CHINESE HISTORY")

V. M. Mayorov, L. V. Stezhenskaya

Institute of Far Eastern Studies, 32, Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russian Federation

The article is devoted to the famous Russian orientalist of the 19th century N. Ya. Bichurin, Iakinf, who not only made a brilliant clerical career, appointed the Ninth Spiritual Mission in Beijing, but also won a strong scholarly reputation for many works on China, Tibet and Central Asia. Bichurin paid much attention to studies of the political system of China, its geographical position, but also set himself the task of making the Chinese Classics' translations. One such translation, the incomplete translation of *Shu jing* made in 1822 and called *Ancient Chinese History*, is discussed in detail in the article. Refs 26.

Keywords: N. Ya. Bichurin, Iakinf, Hyacinth, *Ancient Chinese History*, *Shu jing*, *The Book of Historical Documents*, Confucian Classics' translations, Russian Chinese studies.

Хотя синологии уже многие сотни лет, весьма важное место в ее истории занимает период первой половины XIX в. В это время в Европе и в России возникает профессиональное научное востоковедение, в учебных заведениях вводится преподавание востоковедных дисциплин, создаются учебные кафедры, предпринимается ряд мер по организации востоковедного учебного и научного процессов [1, с. 96].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-31-09007.

Начинают предъявляться новые требования рационального изучения Востока, который в европейском сознании из загадочного далекого края постепенно превращается в один из весомых факторов политики и экономики. В историографии отечественного китаеведения этот период нередко именуется «бичуринским» [2, с. 89].

Благодаря масштабу личности и значительному вкладу в науку Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853) его биография лучше, чем биография кого-либо из его современников, отразила особенности и противоречия научного китаеведения в России XIX в. Сын дьякона из чувашского села, закончивший Казанскую семинарию и принявший постриг под именем Иакинф, Бичурин сделал блестящую карьеру в церковной иерархии. В 25-летнем возрасте он был возведен в сан архимандрита, а в 30 лет назначен начальником Девятой духовной миссии в Пекине.

После нескольких лет, проведенных в Пекине, миссионерское служение отошло для Бичурина на второй план, а всё свое время он посвятил изучению Китая. Эту перемену можно истолковать как проявление личного характера Бичурина, тягу к познанию нового, стремление удовлетворить свое любопытство. Учитывая интенсивность учебных и научных занятий о. Иакинфа в Пекине, в этом не приходится сомневаться. Однако в письме в Святейший Синод в ноябре 1816 г., излагая свою просьбу оставить его начальником следующей миссии, чтобы продолжить ученые занятия, он выразил также готовность прервать эти занятия, указав, что «если правительству потребны политические и географические сведения о Империи китайской в настоящем времени, то не должно оставлять меня в Пекине» [3, с. 71].

В январе 1822 г. Н. Я. Бичурин возвращается в Санкт-Петербург, где его подвергают церковному суду по обвинению в злоупотреблениях в Пекинской миссии и недостойном поведении. Следствие длится в общей сложности полтора года, и только в августе 1823 г. императором Александром I утверждается обвинительный приговор. В качестве наказания архимандрит Иакинф лишается церковного сана и отправляется на Валаам на вечное поселение. Однако в октябре 1826 г. Иакинф, оставаясь в монашеском звании и приписанный к Александро-Невской лавре на жительство, получает назначение в Азиатский департамент коллегии иностранных дел, где «он по знаниям своим в китайском и маньчжурском языках мог быть полезен» [4, с. 136; 3, с. 110].

Менее чем через год ему назначается щедрое жалованье от коллегии иностранных дел, дополнительно к тому ежегодно выделяется 300 руб. на расходы, «доколе он будет упражняться в переводах важнейших китайских книг или в других общепользных изданиях» [2, с. 99; 3, с. 112]. Так, не по своей сословной принадлежности к духовенству и не по своей должности в коллегии иностранных дел, а по сути о. Иакинф становится профессиональным научным работником. В 1828 г., после издания первых трудов, его статус был подтвержден присвоением ему звания члена-корреспондента Императорской академии наук [5, с. 128]. А 7 марта 1831 г. Бичурин был избран почетным иностранным членом Азиатского общества в Париже [3, с. 132].

Хорошо известно, что Бичурин завоевал себе научную репутацию публикацией материалов по истории народов Центральной Азии, а также подробными описаниями различных сторон жизни Цинской империи. Недавнее переиздание бичуринских переводов сочинений неоконфуцианского философа Чжоу Дуньи (1017–1073) [6, с. 85–114; 7, с. 114–155] заставляет нас обратить внимание еще на одну область научных интересов о. Иакинфа — традиционную китайскую философию. Можно было бы ожидать, что венцом этого интереса станут переводы Бичуриным конфуцианских канонов.

Еще примерно с 1813 г. в Пекине Бичурин начинает заниматься изучением китайских «отвлеченных понятий». Вернувшись в Россию, в 1822 г. архимандрит Иакинф заявляет о том, что необходимо представить читателям «образ понятий» китайской словесности, для чего он собирается «определить и утвердить значение многих слов и выражений» и «предварительно издать некоторые небольшие переводы, которые могли подать нам краткое понятие о китайской философии и учености, о их религии и правлении» [3, с. 65–66; 2, л. 107; 3, с. 1100–1101]. Во время валаамской ссылки 1823–1826 гг. Бичурин ставит перед собой другую задачу, которую он раскрывает значительно позже, только в публикации 1842 г.: «Цель всех, доселе изданных мною разных переводов и сочинений в том состояла, чтобы предварительно сообщить некоторые сведения о тех странах, через которые лежат пути, ведущие во внутренность Китая» [8, с. III–IV; 5, с. 99; 3, с. 1101; 6, с. 146]. Соответственно «с 40-х годов начинается новый период научной деятельности Н. Я. Бичурина», который «подвел его к решению новой задачи — написанию труда о собственно Китае» [2, с. 115]. Эта хронология достаточно хорошо подтверждается последовательностью издания крупных работ о. Иакинфа. Однако едва ли она годится для критического исследования переводческой деятельности Н. Я. Бичурина. Даже если считать только крупные опубликованные его работы, то, например, из второго, «центральноазиатского» периода надо исключить как не отвечающее теме «Троесловие», изданное в 1829 г. «Китайскому» периоду не отвечает издание «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии», работа над которым началась еще в начале 1846 г. Повидимому, хронология научных исследований не совпала у Бичурина с хронологией его переводческой деятельности. Интерес к истории и географии сопредельных с Китаем областей Азии у него зародился задолго до 1823 г. и отнюдь не конфликтовал в его сознании со стремлением выработать или определить русские понятия, адекватные китайским. Это подтверждается и сообщением Е. Ф. Тимковского, который, описывая деятельность Бичурина в 1820–1821 гг., отмечает и те и другие его планы [9, с. 15–17, 22–23, 49, 236]. Возвращаясь к вопросу об интересе о. Иакинфа к исследованию и переводу китайских философских сочинений, нужно отметить, что планам этим было суждено воплотиться лишь частично.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется рукопись черновика бичуринского перевода «Канона записей» («Шу цзин»), датируемая 1822 г. и названная им «Древней китайской историей»². Российские китаеведы знакомы с этой рукописью по описанию П. Е. Скачкова (1892–1964), сделанному более 50 лет назад [11, с. 198–206; 2, с. 409 (№ 8)]. Перевод неполон, текст рукописи заканчивается переводом начала главы «До фан» (у Бичурина «Многия страны»). Без перевода остались дальнейший текст этой главы и двенадцать последних глав — по числу иероглифов немногим более шестой части текста оригинала. Бичуринский текст представляет собой перевод только канонической части текста «Шан шу». Переводчик не приводит ни традиционных, ни своих собственных комментариев по содержанию текста. В ру-

² «Канон записей» в нашей литературе более известен как «Канон (исторических) документов» или «Канон преданий», а также в привычной для европейского читателя транскрипции «Шу цзин». В самой далекой древности в Китае эта книга называлась «Шу» («Записи»), а позднее — «Шан шу» («Чтимая книга»). Последнее название традиционно было и остается самым распространенным наименованием этой книги в Китае. Название «Шу цзин» приобрело популярность в Китае во второй половине XVI в. и часто использовалось в официальных изданиях Цинской империи (1644–1911). Подробнее об этом см.: [10, с. 3–4].

кописи нет указания не только на использованное издание оригинала, но даже и на язык оригинала. Это представляет большой научный интерес, поскольку в 1822 г. Бичурину могли быть доступны как собственно древнекитайский оригинал, так и его маньчжурские³ и французский переводы⁴. Перевод выполнялся в непростых условиях домашнего ареста, параллельно с другой работой, в том числе подготовкой журнальных статей для «Сибирского вестника», и так и остался незаконченным. Однако Бичурин в течение продолжительного времени не оставлял работы над переводом «Шу цзина» и затем хранил этот перевод до конца своей жизни, возможно, даже продолжал или правил его. Из всего этого мы можем заключить, что хотя работа над «Древней китайской историей» велась всегда параллельно с другими научными занятиями о Иакинфа, она сохраняла для него важность на протяжении долгих лет, однако при его жизни так и не была издана.

Этот факт заставляет задуматься о практической пользе перевода Бичуриным «Древней китайской истории». Сама форма его некомментируемого перевода основного текста заставляет предполагать, что перевод делался для получения конкретных исторических сведений в помощь дальнейшей исследовательской работе. Поэтому, хотя по времени и свойствам источника этот перевод примыкал к занятиям Бичурина китайской классикой в конце его пребывания в Пекине, по форме он оказывался близок к известному направлению его научных поисков после возвращения в Россию — истории народов Центральной и Восточной Азии. Если судить по оставшимся архивным материалам, уже в 1822 г. одновременно с переводом «Шу цзина» и до отъезда в ссылку в 1823 г. Бичурин вплотную занимался историей Тибета и Монголии, исторической и современной географией Китая [2, с. 409–410, 416]. Очевидно, что цель своей деятельности он видел в «политическом сближении... с Китаем», а для этого требовалось знать «политические виды Китая», «полный состав Китайской Империи во всех политических его изгибах». Это требовало знакомства с «географическим положением» и «политическим существованием разных народов, обитающих в Китайской Империи». Точно так же в «исторической части» исследований для Бичурина «наиболее заключалась и политическая [часть]» [13, с. 51; 14, с. 1–2, 12].

В католической миссионерской синологии конца XVIII и начала XIX в. преобладало отношение к «Шу цзину» как к священной книге, своего рода Завету, возможно, даже связанному с христианским Откровением. Бичурин критиковал такой подход к китайской истории [15, с. 32–33]. Начиная с Гобиля и на протяжении практически всего XIX в. во французской литературе «Шу цзин» неизменно назывался «священной книгой» (*livre sacré*) и «священной историей» (*histoire sacré*) или «книгой *par excellence*», что так или иначе заставляло читателя ассоциировать это название с Библией. В европейской синологии историчность «Шу цзина» вышла на первое место только в протестантских английских переводах — сначала У. Медхёрста в 1846 г., а потом Дж. Легга в 1865 г. [16; 17]. Бичурин пришел к такому же выводу примерно на четверть века раньше.

В своих работах он неоднократно подчеркивал рациональность этой древнекитайской книги, приданную ей редактированием Конфуция, который «откинул все, что

³ Подробнее об этом см.: [12, с. 10–15].

⁴ Имеется в виду известный перевод французского католического миссионера, почетного иностранного члена Петербургской академии наук Антуана Гобиля (1689–1759). Перевод был издан в 1770 г. в Париже Ж. де Гинем (1721–1800). Подробнее об этом см.: [10, с. 1015–1023].

было в ней нелепого», очистил ее от многих «религиозных суеверий» [18, с. 50; 19, с. 327; 20, с. 33, 131; 15, с. 94–96; 13, с. 36–37]. Официальный характер «Древней истории» был для него достаточным основанием аутентичности составляющих ее материалов. По его мнению, это была «Дворцовая история», которая содержала в себе «события Китайского государства» и была «составлена из Дворцовых Записок, в свое время ежедневно писанных Придворными Историографами». Исторические записи древности «единственно основывались на фактах Правительства, а факты сии были писаны во время самых событий». К такому заключению Бичурин приходил, потому что и в его время в цинском Китае были историографы, «известные... при Китайском Дворе под названием Придворных Журналистов» [21, с. V; 18, с. 49, 50; 19, с. 327; 22, с. 193; 23, с. 1].

Считая неизменной традицию историописания в его время и в древности, Бичурин хорошо представлял себе смену крупных исторических эпох в Китае. Начало исторического сознания «восточного мира в Азии» он связывал с началом устных преданий, которые «не восходят далее 3000 лет до Р. Х.». История для Бичурина началась с периода дикости, из состояния которой «обитатели нынешнего Китая» стали выходить в «первобытные времена», когда создавалась китайская цивилизация [13, с. 35, 142–143; 24, с. 8; 20, с. 129; 15, с. 80]. Следующую эпоху Бичурин определял по политическому принципу как систему феодального, удельного, союзно-удельного или удельно-союзного, поместного правления [24, с. 5; 15, с. 98, 151; 13, с. 51, 52; 20, с. 296]. Удельный «образ мыслей» был, по мнению Бичурина, выражен в «Истории» («Шу цзин») и «Стихотворениях» («Ши цзин»), которые подверглись сожжению при переходе к единовластному, или монархическому, правлению, так как были «напоминаниями» древней системы. «Уничтожение древнего удельно-союзного правления и введение единовластного, — по мнению Бичурина, — имели большое влияние на перемену и нравов, и образа мыслей в китайском народе» [24, с. 5].

Предполагавшаяся Бичуриным достоверность сведений древней «Дворцовой истории» делала для него совершенно неважными вопросы ее критической текстологии. В своих работах он ограничивается минимумом сведений по истории этого памятника, и все они так или иначе восходят к тексту примечаний к «Троесловию», опубликованному в 1829 г., где дается наиболее развернутое представление «Шу цзина» [18, с. 48, 49–50]. Нет сомнений, что прототипом, хотя и весьма приблизительным, бичуринских примечаний был текст комментария Ван Сяна (王相) к «Сань цзы цзину» в издании, впервые отпечатанном в 1666 г. [25], хотя конкретный бичуринский источник в море разнообразных толкований этой популярной книги определить трудно, и этот вопрос требует более тщательного дальнейшего изучения.

Что касается самого перевода, почти нет сомнений в том, что он был сделан Бичуриным по тексту маньчжурско-китайского издания 1760 г. «[Маньчжурский] перевод “Канона преданий” в редакции Его Величества» («Юй чжи фаньши Шу цзин» «御製繙譯書經»; *маньчж.* «Han-i araha ubaliyambuha Dasan-i nomun») [12, с. 10–15]. На это указывают особенности организации текста в русском переводе, которые являются точным отражением таких же особенностей текста оригинала. Так как текст оригинала был двуязычным, то, естественно, встает вопрос, по какому тексту — маньчжурскому или китайскому — был сделан перевод Бичурина.

На наш взгляд, бичуринский перевод был мотивирован китайским текстом двуязычного «Шу цзина». Чтобы понять это, во-первых, достаточно обратить внимание на то, что в русском переводе не встречается транскрипции маньчжурских слов, ко-

торы могли быть непонятны о. Иакинфу. Напомним в связи с этим, что переводчиком рукопись для публикации не предназначалась. И, напротив, наличие в русском переводе незаконченных названий глав, китайская транскрипция некоторых названий, в том числе и ошибочная⁵, отличие этих названий от маньчжурских заглавий — все это говорит о том, что Бичурин ориентировался на китайский текст памятника. Наконец, в переводе немало пропусков. Почему же, имея перед собой весьма трудный и противоречивый древнекитайский текст и уже истолкованный и вполне понятный маньчжурский, Бичурин оставляет пустые места в своем переводе? По-видимому, только потому, что ему требовалось разобраться в китайском тексте, а маньчжурский вариант не выглядел очевидным или бесспорным. Сравнение бичуринских пропусков и маньчжурских переводов соответствующих словосочетаний и фраз — интереснейшая тема отдельного исследования по рукописи «Древней китайской истории».

Выше мы уже говорили о том, что исследование истории для Бичурина подразумевало прежде всего внимательное изучение принципов политической жизни Китая. Он весьма чутко уловил нерасчлененность и взаимопроникновение этих двух областей традиционного китайского знания. Насколько можно судить по опубликованным в 1829–1848 гг. работам [18, с. 50; 19, с. 327; 20, с. 33, 131; 15, с. 94, 96; 13, с. 36–37], в представлении Бичурина «политическая» ценность «Древней китайской истории» явно перевешивала ее историографическое значение. От однозначных определений ее образцовости то в области «чистой нравственности» (1829 г.), то «законодательства» (1838–1839 гг.) в 1840–1842 гг. он переходит к ее более сложным и содержательным определениям как основания «государственного управления и нравственности в народе», «законодательства, религии и нравственности», как «чистого нравственного учения, на котором основана истинная политика, то есть наука управлять народом». Насколько эти определения были навеяны переводом «Шу цзина», выполненным в 1822 г., насколько этот перевод определял или влиял на бичуринские формулировки понятий китайской политической культуры, предстоит выяснить в будущем. Фактом остается то, что рукопись «Древней китайской истории» сопровождала Н. Я. Бичурина почти три десятка лет его научной работы вплоть до его кончины в 1851 г.

Литература

1. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 439 с.
2. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. 503 с.
3. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. 2-е изд., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 334 с.
4. Мясников В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина (Востоковед: 1777–1853) // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 132–138.
5. Мясников В. С. Избрание Н. Я. Бичурина в Академию наук // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 124–132.
6. Чжоу Дуньи. Изображение Первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов (с суждениями Чжу Си). Перевод с китайского и толкования Н. Я. Бичурина // Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии / сост. А. Е. Лукьянов. М.: 2009. С. 85–114.
7. Чжоу Дуньи. Книга о проницаемости. Перевод с китайского и изъяснения Н. Я. Бичурина // Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии / сост. А. Е. Лукьянов. М.: 2009. С. 114–155.

⁵ Например, бичуринский «Чжунвэй» в маньчжурском переводе назван Jung hòi, см.: [26, с. 185–261].

8. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти страницах / [Бичурин Н. Я.]; В 2 ч. Ч. I. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1842. 323 с.

9. Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками. Ч. 2: Пребывание в Пекине. СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824.

10. Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. В. М. Майорова; послесл. В. М. Майорова и Л. В. Стеженской. М.: ИДВ РАН, 2014. 1149 с.

11. Скачков П. Е. О рукописном наследии Н. Я. Бичурина в ГПБ (Ленинград) // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. 1956. С. 198–206.

12. Майоров В. М. Маньчжурские переводы «Шу цзина» // Философия Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация / отв. ред. А. Е. Лукьянов. М.: ИДВ РАН, 2014.

13. Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н. Я. Бичурин. М.: Восточный Дом, 2002. 432 с.

14. О статистическом описании Китайской империи / Иакинф Бичурин: [Отд. оттиск] // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1842. № 5.

15. Статистическое описание Китайской империи / Бичурин Н. Я. М.: Восточный дом, 2002. 464 с.

16. Ancient China. 書經. The Shoo king, or the Historical classic: Being the most ancient authentic record of the annals of the Chinese empire: Illustrated by later commentators / tr. by W. H. Medhurst, sen. Shanghai: Printed at the Mission press, 1846.

17. The Chinese Classics: with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena, and copious indexes: 5 vol. in 7. Hong Kong: The author; London, Trübner, 1861–1872. Vol. III: Pts. I–II: The Shoo king or The Book of historical documents, 1865.

18. Сань-цзы-цзин или Троеслобие 三字經: С литографированным китайским текстом / Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб.: Типография Х. Гинца, 1829.

19. [Бичурин Н. Я. (о. Иакинф)]. Китайские военные силы: Взгляд на просвещение в Китае // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1838. № 5. С. 324–366.

20. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение / Сочинение монаха Иакинфа. СПб.: В тип. Имп. Академии Наук, 1840.

21. История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р.Х. до 1227 года по Р.Х. С картою на разные периоды сей истории / Переведена с Китайского монахом Иакинфом Бичуриным. Ч. I. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1833.

22. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Средняя Азия и французские ученые // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ради вечной памяти. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1991.

23. Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными / Статья О. Иакинфа // Сын отечества. СПб., 1839. Т. VII. № 1. Отд. III.

24. Описание религии ученых / сост. трудами монаха Иакинфа. 1844. Пекин: тип. Успенского монастыря, при Рус. духов. миссии, 1906.

25. San zi jing xun gu (Троеслобие с лексическим комментарием) 三字經訓詁 / (宋)王应麟著; (清)王相训诂. 北京: 中国书店, 1991.

26. Yuzhi fanyi Shu jing 御製繙譯書經: 六卷 // 欽定繙譯五經四書 / (清)乾隆年間欽定. 臺北市: 臺灣商務, 1983. — (文淵閣四庫全書; 185–189; 1). Маньчжурское заглавие — Han-i araha ubaliyambuha

Dasan-i nomun (ᠳᠠᠰᠠᠨ ᠶ᠋ᠢ ᠨᠣᠮᠤᠨ (ᠠᠷᠠᠬᠤ ᠤᠪᠠᠯᠢᠶ᠋ᠠᠮᠪᠤᠬᠤ)).

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Майоров Владимир Михайлович — ведущий научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии; v.mayorov@mail.ru

Стеженская Лидия Владимировна — научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии; stezh@rambler.ru

Mayorov Vladimir M. — Leading Research fellow; v.mayorov@mail.ru

Stezhenskaya Lidiya V. — Research fellow; stezh@rambler.ru